

Джейн Эйр

Спать в Хейворде ложатся в девять,
За окном потьмы, как на фронте.
Что без гаджетов дальше делать
Сестрам Бронте?

Три сестрицы сидят, мечтают
О небесных немых мигдалах.
Ледяное время не тает
Ни в камине, ни на шандалах.

С двух склевали заживо краску
Интернатские кукареки.
А одна сочинила сказку
О дурнушке и о калеке.

Красота победит в дальнейшем —
Девяносто на девяносто.
Содержанкам и прочим гейшам
Станет хлеб добывать препросто.

Растусившаяся голога
Некрасивых сомнет и сбoret.
Но в Хейворде сестра Шарлотта
Установку сию оспорит.

Викторьянство натуру спрячет
Вплоть до следующего века...
По калеке дурнушка плачет,
По дурнушке сохнет калека.

Успение

На острове Кефалиния (Кефалония) у образа Пресвятой Богородицы Гравальётисса в селе Пастра в Праздник Успения зацветают сухие стебли лилий.

На Кефалинии
В изгибе линии
Береговой
Волною квасима
Стопа Герасима
Да пихт конвой.

А на Успение
Землетрясение
Повалит ниц,
И руки нагие
Летят к Панагии
Под сердца блиц.

Об жизнь колотитесь,
Всего боитесь,
А днесь смелы
У Спелеотиссы,
У Портаитиссы,
У Сумелы.

Что ж, слёзы, льётеся
У Гравальётиссы?
Нетленен Свет!
И в изобилии
Плодятся лилии
Сквозь сухоцвет.

Старуха

Когда встает детеныш человека
В могутный рост
И, выворачивая волчье веко,
Свой ловит хвост,

Я ни обмолвкой малой не перечу, —
И страх берет, и что добавишь тут,
Где сонмами приверженцы навстречу
Ему идут.

И лишь одна старуха человека
Не сходит постановочно с ума.
Ее хотел бы написать Эль-Греко,
Но над Толедо грозовая тьма.

Уже ей невозбранно все и можно,
Да мир она отвергла — в чем душа,
На полустанке диком внеположно
Горбушку ноздреватую кроша.

Арина Родионовна

Кто дал бы нам на бедность ссуду,
Кто правил бы придворный бал,
Не прикупи деревню Суйду
Абрам Петрович Ганнибал?

Жена его грешила поркой,
Но няньку — няньку не замай,
Будь та чухонкой иль ижоркой,
Иль в пращурах у ней Мамай.

Как повезло во время оно
И в остальные времена
Аришке, дочке Родивона,
За кварталонкой кварталона
Вспоить, чтоб ей налил вина —

Нет, налил в сысканную кружку,
А нет вина, так полугар,
Чтоб в печке русской кладки вьюшку
Закрыли в срок — не то угар.
И чем бы нам занять, раззявам,
Свой праздный мозг, когда б она
К земле безгласной — не к хозявам
Осталась вдруг прикреплена
И продана — иль продана
Без своего веретена?

Пасха

После утрени то задремывала, то ела,
И рвалось орудовать без меня
Семь недель наверстывающее тело
От начала Светлого Дня.

Нет нужды ни в чем, и мой стол обилен,
И обычай тверд и на твердь оперт.
А внутри еще не умолк светилен
Об уснувшем плотию, «яко мертв».

И, вися на тонком противовесе,
Вылезая вон из истлевших кож,
Сколько раз объявишь: «Христос воскрес!»,
Столько раз от смерти себя спасешь.

Пасха ранняя нынче, и сад безлиственный...
Столько раз в смятенье отступят беси,
Сколько раз ответишь себе: «Воистину
Воскресе!»